

DOI: 10.31857/S086919080018246-7

**«РУССКИЙ ПАРЕНЬ И ЧЕЧЕНСКАЯ ДЕВУШКА»:
АНАЛИЗ КОММЕНТАРИЕВ К ИНТЕРНЕТ-ПУБЛИКАЦИЯМ
О МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ БРАКАХ**

© 2022

А.К. ИДИАТУЛЛОВ^{а1}

^а – Ульяновский государственный педагогический университет
им. И.Н. Ульянова, Ульяновск, Россия
AzKoldiat@yandex.ru

Резюме: Межконфессиональные браки находятся в фокусе внимания этнологов и социологов различных регионов постсоветского пространства. В их трудах неоднократно отмечалось особое значение смешанных браков в качестве маркеров толерантности. Однако такая сторона вопроса, как отношение к межнациональным и межконфессиональным бракам пользователей сети Интернет, осталась без внимания исследователей, что подчёркивает актуальность публикации. Целью статьи является анализ отношений к межконфессиональным бракам русского и чеченки, чеченки и русского. Источниковой базой исследования стало 726 комментариев к тематическим статьям о смешанных браках, опубликованных на Яндекс-дзен в период с 24.11.2020 по 6.12.2020. Анализ текстов производился «в ширину» (англ. *breadth-first search, BFS*), то есть сначала анализировался сам рассказ, затем комментарий к нему, после чего комментарий к комментарию и т. д. Подводя итог проведённым исследованиям, автор заключает, что существует два варианта отношения комментаторов к межконфессиональным бракам. Первый вариант – отрицательное отношение. Второй вариант – нейтрально-положительное отношение, не рассматривающее религию как фактор дестабилизации таких семей, либо вовсе не берущее в расчёт религиозные, а иногда и этнические различия супругов. Эндогамные браки по-прежнему остаются приоритетными для ряда регионов России, в первую очередь для Северного Кавказа, с его традиционной культурой и усилившимся за последние десятилетия влиянием религии. Тем не менее исследование выявило что религиозный фактор не является ведущим при оценке смешанных браков комментаторами тематического канала. Чаще всего, описывая своё отношение к тем или иным примерам подобных браков, они апеллируют к другим факторам. Например, к культурным и бытовым различиям этносов.

Ключевые слова: межконфессиональные браки, смешанные браки, русские, чеченцы, религия, ислам, отношение.

Для цитирования: Идиатуллов А.К. «Русский парень и чеченская девушка»: анализ комментариев к интернет-публикациям о межконфессиональных браках. *Восток (Oriens)*. 2022. № 1. С. 173–183. DOI: 10.31857/S086919080018246-7

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ в рамках научно-исследовательского проекта «Взаимодействие христиан и мусульман России в условиях социокультурных угроз современного мира: от коммуникации организаций до синкретизма религиозного сознания», код МД-2585.2021.2 (2021–2022 гг.). The article was prepared with the financial support of a grant from the President of the Russian Federation within the framework of the research project “Interaction between Christians and Muslims of Russia in the conditions of socio-cultural threats of the modern world: from communication of organizations to syncretism of religious consciousness”, code MD-2585.2021.2 (2021–2022).

“RUSSIAN GUY AND CHECHEN GIRL”: ANALYSIS OF COMMENTS ON ONLINE PUBLICATIONS ABOUT INTERFAITH MARRIAGES

© 2022

Azat K. IDIATULLOV ^a

^a – Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov,
Ulyanovsk, Russia
AzKoldiat@yandex.ru

Abstract: *Interfaith marriages are in the focus of attention of ethnologists and sociologists from various regions of the post-Soviet space. Their writings have repeatedly noted the special importance of mixed marriages as markers of tolerance. In addition, many researchers recognize the cultural and social significance of mixed marriages and continue to address them in the context of such problems as migration and the interaction of religions. However, such a side of the issue as the attitude to interethnic and interfaith marriages of Internet users remained without the attention of researchers, which emphasizes the relevance of the publication. The purpose of the article is to analyze the relationship to interfaith marriage of a Russian and a Chechen. The source base of the study was 726 comments to thematic articles on mixed marriages, published on Yandex Zen. The texts were analyzed using the breadth-first search method. Summing up the research, the author concludes that there are two options for the attitude of commentators to interfaith marriages. The first option is a negative attitude. The second option is a neutral-positive. Endogamous marriages remain a priority for a number of regions of Russia, primarily for the North Caucasus, with its traditional culture and the increasing influence of religion over the past decades. However, the study found that the religious factor is not the leading one in the assessment of mixed marriages. Besides, when they are describing their attitude to certain examples of such marriages, they appeal to other factor, for example, to the cultural differences of ethnic groups.*

Keywords: *interfaith marriages, mixed marriages, Russians, Chechens, religion, Islam, attitude.*

For citation: Idiatullov A.K. “Russian Guy and Chechen Girl”: Analysis of Comments on Online Publications about Interfaith Marriages. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 1. Pp. 173–183. DOI: 10.31857/S086919080018246-7

ВВЕДЕНИЕ

В Российской Федерации с её многовековым многонациональным и многоконфессиональным составом вопросы, связанные с такими явлениями, как межэтнические и межконфессиональные браки, являются важнейшими для всего общества в целом и научного сообщества, в частности. Однако споры о природе подобных браков и, как следствие, семей, их допустимости и недопустимости в современных реалиях российского общества, об их роли в процессе диалога и взаимопроникновения культур и традиций всё чаще ведутся в обширном пространстве Рунета, вовлекая людей самых разных взглядов, что делает исследование межконфессиональных браков ещё более актуальным.

В публикациях отечественных исследователей неоднократно отмечалось особое значение смешанных браков в качестве маркеров толерантности и интолерантности [Дробизева, Сусоколов, 1981; Сусоколов, 1987; Топилин, 1995; Сизоненко, 2007; Жигунова, Коптяева, 2016; Узакова, Ивченков, Симонович, 2017; Шабыков, 2018], традиционности и нетради-

ционности различных обществ [Карцева, 2001; Загирова, 2017], изучались такие аспекты, как динамика межэтнических браков [Шабалина, 2002; Коростелёв, 2008; Касымова, 2010], их влияние на диалог культур [Клинцова, 2016, с. 30; Гурко, 2017; Романова и др., 2020; Коровкина, Садретдинова, 2020]. Среди других исследователей, занимавшихся данной проблематикой отметим А.Г.Волкова [Волков, 2014] и Е.Л. Сороко [Сороко, 2014], на материале переписей рассмотревших распространение смешанных браков в СССР и в современной России, Е.С. Лурье [Лурье, 2018], подметившую некоторую растерянность российского, в том числе научного, сообщества, возникшую в постсоветское время, когда межэтнические браки лишились идеологической поддержки государства. В общем и целом, и мы здесь склонны соглашаться с Е.С. Лурье, в «современных исследованиях уже нет ощущения социального заказа, обращения к важной и ценностно осознаваемой теме, нет и новой научной и культурной парадигмы, в которую эти исследования встраиваются» [Лурье, 2018, с. 122–123]. Тем не менее почти все исследователи признают культурную и социальную значимость смешанных браков и продолжают обращаться к ним в рамках более масштабных проблем, таких, например, как межэтнические отношения, миграция, глобализация, взаимодействие религий. Отметим, что такая сторона вопроса, как отношение к межнациональным и межконфессиональным бракам пользователей сети Интернет, по большей части остаётся неисследованной. Данное обстоятельство подчёркивает своевременность нашей публикации.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Целью статьи является анализ отношений к межконфессиональному браку русского и чеченки, чеченки и русского, основанный на комментариях к тематическим статьям Яндекс-дзен. Особенность данной интернет-платформы является то, что она подбирает публикации, «подстраиваясь» под сферу интересов пользователя. Таким образом, аудитория, подписчики и комментаторы тематических блогов формируются из людей, в той или иной степени осведомлённых о соответствующей области или интересующихся ей. В некотором смысле аудитория каналов, посвящённых межнациональным и межконфессиональным бракам, является целевой для подобных публикаций, и изучение её мнений может внести некоторую ясность на данный аспект межэтнических отношений. Анализ текстов производился «в ширину» (англ. breadth-first search), то есть сначала анализировался сам рассказ, затем комментарий к нему, после чего комментарий к комментарию. Всего было проанализировано 726 комментариев к 3 рассказам: «Как в Чечне относятся к детям от смешанных русско-чеченских браков?» [Как в Чечне, 2020] (436 комментариев, 274 тыс. дочитываний, 1707 одобрений – «лайков»), «Может ли русский парень жениться на чеченской девушке?» [Может ли русский, 2020] (141 комментарий, 8 тыс. дочитываний, 135 одобрений) и «Разрешено ли чеченцу жениться на русской девушке?» [Разрешено ли чеченцу, 2020] (149 комментариев, 4,5 тыс. дочитываний, 82 «лайка»). Все три статьи опубликованы на авторском канале с особенно значимым в контексте исследования названием «Чеченский след», с количеством подписчиков в 46 417 человек и с аудиторией в 1 664 845 человек, и отобранных нами согласно следующим критериям: 1) раскрытие темы смешанных русско-чеченских и чечено-русских браков; 2) упоминание различных аспектов религиозности; 3) наибольшее число комментариев; 4) недавняя дата публикации.

Анализ «никнеймов» комментаторов, среди которых, можно предположить, большое число вымышленных, показал преобладание «славянских» имён и фамилий и сравнительно небольшое количество «мусульманских». Идентификация комментаторов по дополнительным критериям, например, по их отзывам в том числе на другие статьи Яндекс-дзена,

которые в ряде случаев содержали упоминания национальной принадлежности, подлинных имён, а также обращение к «чеченцам» в первом («у нас»), втором («у вас») или третьем лицах («они», «у них»), позволило выявить следующие, пусть и условные, группы участников «дискуссии»: «славянская» (151 комментатор), «неопределённая» (104 комментатора), об этнической принадлежности которых нельзя сделать окончательных выводов, исходя из «никнеймов» и комментариев, «мусульманская» (30 комментаторов), «еврейская» (3 комментатора). Отметим, что в группу с «неопределённой» этнической принадлежностью вошли также комментаторы, рассказавшие о том, что родились в смешанных семьях, например, русско-чеченских, или комментаторы, имена которых «славянские», а фамилии – «мусульманские». В половом отношении среди комментаторов заметно преобладание мужчин. В «славянской» группе: 93 мужчины, 42 женщины и 16 человек, о половой принадлежности которых ничего определённого сказать нельзя. В «мусульманской» группе цифры распределились соответственно следующим образом: 19 мужчин, 8 женщин, 3 неидентифицируемых респондента. Таким образом, мнения комментаторов канала «Чеченский след» отражают по большей части отношение к межконфессиональным бракам лиц мужского пола, которые в этническом плане относятся к условным «славянам» – не только русским, украинцам и белорусам, но и этносам, представители которых также нередко носят славянские имена (чуваши, мордва, удмурты, марийцы и т. д.).

Выбор смешанных русско-чеченских и чеченско-русских браков в качестве объекта исследования обусловлен несколькими причинами: оба народа относятся к наиболее многочисленным этносам России. Например, чеченцы занимают шестое место среди всех народов страны по численности и второе – среди «мусульманских» этносов после татар. Кроме того, межэтнические отношения чеченцев и русских «в сухом остатке» последних тридцати лет новейшей истории страны следует считать самыми сложными, противоречивыми, динамичными. Достаточно вспомнить две чеченские кампании 1990-х – начала 2000-х гг., по окончании которых началось сближение российской исполнительной власти с политическими лидерами Чеченской Республики, и в первую очередь В. В. Путина и Р. А. Кадырова, которые нередко обмениваются в адрес друг друга комплиментами. Достаточно быстрая смена политического аспекта отношений с прямой конфронтации и военных действий к мирному сосуществованию, сама по себе вызывает интерес, несмотря на то что в реальной жизни сохраняется проблема этнической интеграции. Кроме того, нигде не исчезли (а во многом и укрепились) культурные, религиозные различия, связанные с ними этнические стереотипы, воздействующие на характер оценки межконфессиональных браков и потому анализируемые в нашей статье.

Наконец, матрица этнических комбинаций в супружеских парах для 11 народов России показывает, что русско-чеченских браков в России сравнительно немного. Больше всего браков, в которых мужчина – чеченец, а женщина – русская (4443), меньше – в обратной ситуации (725) [Сороко, 2014, с.110]. Для сравнения: количество русско-казахских браков составляет соответственно 16055 и 11491, притом что численность казахов в России почти в два раза меньше, чем чеченцев. Напомним, что и чеченцы, и казахи исповедуют ислам. Таким образом, мы имеем дело с весьма примечательной ситуацией, сложившейся в брачных отношениях между русскими и чеченцами, требующей своего осознания.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Этническая специфика комментаторов статей, а именно преобладание условных «славян», вызывает закономерный вопрос о том, как может относиться к смешанным бракам данная группа на всероссийском уровне. В 2018 г. С.В. Лурье проанализировала резуль-

таты исследований, проведённых по большей части в регионах с преобладанием русского населения, а также среди русской молодёжи и пришла к выводу, что межэтнические браки вполне допускаются опрошенными [Лурье, 2018, с. 127], однако и здесь автор солидаризуется с Е.С. Токаревой в том, что в целом межэтнический брак по отношению к моноэтническому в системе ценностей студентов занимает периферийные позиции [Токарева, 2013]. Последнюю мысль подтверждают и данные опроса ВЦИОМ (2010), согласно которым наибольшее одобрение (70%) вызывают у наших сограждан браки между русскими людьми. Спокойно наши сограждане воспринимают брак россиянина с украинцем или белорусом (45%). В наибольшей степени негативно (65%) воспринимают россияне браки с чеченцами [Россияне о межнациональных, 2010].

Интересные сведения, показывающие отношение россиян к смешанным бракам, можно подчеркнуть из исследований, в основе которых лежит шкала социальной дистанции, предложенная для измерения социальной установки к представителям различных социальных групп Эмори Богардусом [Ляпунова, 2014]. В частности, согласно данным Левада-центра² (2020), лишь 4% россиян готовы видеть среди членов семьи чеченцев, причём по сравнению с 2010 г. данный показатель увеличился в 4 раза. Гораздо больше россиян допускают в качестве членов семьи евреев (13%), украинцев (11%) и китайцев (5%). Кроме того, социальная дистанция с этими же народами у россиян меньше (4,23–5,15), чем с чеченцами (5,21) [Ксенофобия и национализм, 2020]. Исследование архангельских студентов (в основном русских) также показало, что социальная дистанция с чеченцами у них весьма значительная (больше только с цыганами) [Ляпунова, 2014].

Фиксируют напряжённое отношение россиян к этническим группам Северного Кавказа и исследования по межэтнической толерантности. По результатам опроса в Москве, более половины респондентов (57%) прямо заявили о неприязненном отношении к приезжим из республик Северного Кавказа (в том числе из Чечни): они собрали в полтора раза больше отрицательных оценок, чем мигранты из Средней Азии и Закавказья, и они же получили меньше всего положительных оценок [Зайончковская и др., 2014, с. 6]. Опросы, показывают, что напряжённость в отношениях нередко носит зеркальный характер. Например, чеченцы ряда районов Чеченской Республики, никогда не бывавшие в столице, воспринимают москвичей как «аморальных, негостеприимных, равнодушных, высокомерных и злых людей, навязывающих свои обычаи другим» [Григорьева, Хамидова, 2018, с. 246].

Очевидна меньшая толерантность по отношению к представителям Северного Кавказа и по материалам исследований в Московской, Астраханской и Калининградской областях [Арутюнова и др., 2015, с. 58]. Наиболее чувствительными вопросами явились вопросы о вхождении в семью (чеченцы неприемлемы для 60% респондентов) [Арутюнова и др., 2015, с. 91]. Более того, согласно социологическому анализу, проведённому Е.Ю. Щегольковой, русские чаще, чем граждане других национальностей, характеризуют межэтнические отношения как напряжённые, и реже как доброжелательные. Готовность русских к тому, чтобы человек другой национальности стал супругом/супругой, уступает готовности представителей других этнических групп и составляет 43% против 60% [Щеголькова, 2020, с. 511]. В то же время, высокими оценками доброжелательности отмечены Северо-Кавказский(!), Южный и Приволжский федеральные округа – исторически наиболее многонациональные регионы России [Щеголькова, 2020, с. 518]. Таким образом, заметно, что низкий уровень брачности между русскими и чеченцами хорошо интерпретируется в контексте межэтнических отношений и незначительной толерантности «россиян», и, в частности, русских, к представителям Северного Кавказа. Можно предположить, что комментарии канала также отразят в целом негативный настрой россиян к бракам с чеченцами. Однако важно выяснить, какую роль

² Организация, выполняющая функцию иностранного агента.

играет в этом вопросе религиозный фактор. Каково отношение комментаторов тематического канала Яндекс-дзен к конфессиональным различиям членов смешанных семей?

В первой публикации [Как в Чечне, 2020] религиозный фактор упомянут как один из трёх критериев, которым должны соответствовать дети, рождённые в смешанных семьях, чтобы их признали «настоящими» чеченцами. Комментарии к данной публикации можно разделить на несколько групп, большинство из которых рассматривают религию как важную составляющую смешанных браков (дестабилизирующую или культурно-значимую), что нашло отражение и в предыдущих исследованиях данной проблемы [Коровкина, Садретдинова, 2020, с. 40]. Действительно, несмотря на очевидную дискуссионность и полемичность точек зрения относительно масштабов и географии межконфессиональных браков как явления, мало кто из исследователей отрицает их значимость в том, что называется процессом взаимодействия различных этнических культур и конфессий: от диалога [Гурко, 2017], взаимообогащения, религиозной трансгрессии и конверсии, синкретизма до разного рода конфликтов [Клинцова, 2016, с. 30], дистанцирования [Узакова и др., 2017, с. 416], ограничений, запретов. Более того, ряд изысканий доказывает, что межконфессиональные браки являются одним из важнейших факторов смены религиозной идентичности в современном российском обществе [Романова и др., 2020].

Среди данных групп высказываний, во-первых, ожидаемо выделяются мнения, которые осуждают необходимость смены веры, религии в таких семьях: «*Должен принять веру и т. д. А с какой, спрашивается, стати? У каждого человека есть свободный выбор! И если человек чувствует себя внутренне христианином, а не мусульманином, с чего он должен менять свою веру?*». Иногда, подобные мнения формулировались и в более резкой форме. Высказывались также опасения, сможет ли славянская девушка, перешедшая в ислам, принять такие нормы данной религии, как многоженство. Предполагалось, что это может произойти только под сильным давлением со стороны супруга.

Во-вторых, следует обозначить группу мнений, в которых религиозные различия в смешанных семьях оцениваются с нейтрально-положительной точки зрения: «*У меня братья двоюродные – чистокровные ингуши, мы общаемся, как обычная семья! И, кстати, я христианин, а они мусульмане!!!*». Сюда же следует отнести мнения, согласно которым религиозный выбор детей в таких семьях не представляет собой какой-либо явной проблемы.

Третью группу составили мнения об «этноцентризме», в редких случаях о «шовинизме» вокруг проблемы смешанного брака и детей от таких браков, якобы имеющих место быть в чеченской среде. Например, говорится о том, что в чеченском обществе положительно относятся к бракам чеченского парня и русской девушки, но отрицательно к смешанным бракам, где супруга – чеченская девушка.

Четвёртую группу составляют мнения, которые вообще не анализируют смешанные браки в контексте какой-либо религиозности. Для таких комментаторов гораздо важнее этнические и культурные различия супругов, которые оцениваются либо отрицательно (дескать, «не надо никому мешать кровь»), либо нейтрально – положительно. Относительно положительных мнений обозначим ещё одну тенденцию: нередко комментаторы говорят о положительном опыте, маркируя его как советский, или имевший место уже в отдалённом прошлом: «*В наше советское время с браками было гораздо проще. Никто не считал себя выше другого. А сколько комсомольских свадеб было, вам молодым и не снилось. И семьи крепкие были, полюбил – так навсегда. Конечно и исключения были. Только никто не смотрел, кто ты по национальности. Главное, какой ты. И русские женились на чеченках, и чеченцы на русских. Как-то дружнее всё было. Может, беднее жили, но знали, что всегда сосед соседу поможет, да и не только сосед. Если что в жизни плохо, иди в райком комсомола, всегда помогут. А там люди всех национальностей СССР*». В таких

оценках ощущается не только ностальгия по временам «былого» интернационализма, но и обеспокоенность сегодняшними межнациональными отношениями, что в целом является тревожным сигналом. Вероятно, «на формирование советского феномена межэтнической брачности влияла безрелигиозность советского общества, атеизм был общесоветской идеологией, стимулирующей распространение национально-смешанных браков» [Лурье, 2018, с. 126]. Усиление роли религиозных институтов в постсоветском обществе неизбежно поставило смешанные браки в более жёсткие рамки, сдерживая рост их числа в регионах с устойчивой традиционной доминантой.

Во второй статье под названием «Разрешено ли чеченцу жениться на русской девушке?» [Разрешено ли чеченцу, 2020] религиозный аспект проблемы также присутствует. Например, упоминается, что препятствием для такого брака могут быть опасения чеченских родителей, что русская жена «воспитает будущих детей далеко от исламских и вайнахских традиций». Таким образом, по мнению автора, главным условием для смешанного брака является то, чтобы дети «от вайнахского мужа были воспитаны как мусульмане и чеченцы».

Комментарии по поводу данной статьи разделились примерно на те же группы, что и в предыдущем случае. Первая группа объединила комментарии, в которых оговаривается возможность брака чеченца-мусульманина с представительницами неисламских конфессий и малая доля вероятности обратного случая. В эту группу вошли и более подробные разъяснения, которые имеют очевидные исламские корни. Действительно, согласно исламской традиции, мусульманин может жениться на девушке, которая исповедует «религию книги», то есть иудейке или христианке, в то время как девушка такого права лишена. Такие мнения можно назвать традиционными или близкими к традиционным, так как они учитывают мусульманские нормы, устоявшиеся взгляды на смешанные браки в среде чеченцев и не претендуют на оценку или критику подобных воззрений. В целом их тональность носит нейтральный характер.

Вторая группа мнений объединяет отрицательное отношение к таким бракам, и нередко сводится к призывам запретить браки между чеченцами и русскими: «Поэтому нужно запретить браки чеченцев с кем-то с другой веры, ну, чтоб не нагнетать. Лучше жить на дистанции, но в мире. Пока не будет взаимоуважения к нациям и верам друг друга».

Наличие мнений первой и второй группы свидетельствует о неровности отношений к межконфессиональным бракам среди комментаторов. Во всяком случае, выводы ряда исследователей о том, что в многонациональном российском обществе этнические и конфессиональные препятствия при заключении брака сняты [Карцева, 2001, с. 499], кажутся нам несколько оптимистичными, или во всяком случае применимыми для отдельных историко-культурных областей страны, в частности, для Среднего Поволжья и Приуралья. Весьма вероятно, что нейтрально или нейтрально-положительно к межконфессиональным бракам относятся городские жители [Шабыков, 2018]. В то же время для ряда субъектов Российской Федерации, с их традиционной культурой и усилившимся за последние тридцать лет влиянием религии, характерна привязанность к эндогамным бракам. К таким регионам относятся в первую очередь часть республик Северного Кавказа, например, Дагестан [Загирова, 2017, с. 88]. Думается, что не будет преувеличением считать регионом, ориентированным на эндогамные браки, и Чеченскую Республику.

Третью группу составляют мнения, которые не считают религиозный, впрочем, как и этнический, фактор значимым для подобных браков: «Мы все люди прежде всего, как можно делить друг друга по национальности или вере?» Данные мнения схожи с «ностальгическими» комментариями по поводу первого рассказа, и по всей видимости объединены общей идеей интернационализма, примата общечеловеческих ценностей над «этническими» и «религиозными традициями». Встречаются среди данных мнений и высказывания, резко

отрицательно оценивающие религиозность как таковую, или искренность веры, вступающих в брак. Эти настроения, назовём их условно антиклерикальные, также весьма симптоматичны, так как являются во многом реакцией на увеличившееся влияние религии в российском обществе. В самом деле, религия и смежные с ней явления за достаточно короткий срок (начиная с конца 1980-х гг.) стали важнейшей частью российской действительности, проникнув в различные сферы нашей жизни: от школы и армии, с одной стороны, до телевидения и сети Интернет, с другой. И если споры о степени воцерковленности, уровне религиозности и религиозной грамотности населения и отдельных этносоциальных групп не прекращаются до сих пор, то факт реванша всего религиозного и околорелигиозного как явления повседневности, пожалуй, отрицать уже бессмысленно. Усиление влияния религии на поведенческую составляющую этнокультурной идентичности, в том числе, по всей вероятности, при выборе брачного партнёра, уже отмечалось рядом исследователей [Жигунова, Коптяева, 2016]. Данные ВЦИОМ (2020) свидетельствуют о том, что при высокой степени одобрения деятельности РПЦ (на втором месте после армии), доля лиц, которые относятся к данному институту с неодобрением также увеличилась (с 14,9% в 2012 г. до 22,6% в 2020 г.) [Главные российские институты, 2020]. Таким образом, предполагаем, что поляризация мнений о смешанных браках в контексте религиозного аспекта будет только увеличиваться.

Наконец, есть группа комментариев, которые оценивают браки с позиции межэтничности, а не межрелигиозности. В таком случае мнения имеют либо положительную, либо отрицательную тональность.

В третьей статье «Может ли русский парень жениться на чеченской девушке?» [Может ли русский, 2020] религиозный аспект присутствует, но не играет существенной роли. Ислам здесь является лишь одним из маркеров «чеченской идентичности», важным среди равных. Кроме того, сам смысл статьи значительно отличается от предыдущих, так как фактически сводит сам факт выход замуж чеченских девушек за «нечеченцев» к крайне редкому событию. Видимо, по этой причине большинство мнений, высказанных по поводу публикации, в той или иной форме обсуждали браки эндогамные, нередко поддерживая их.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, исследование показало, что существует два наиболее распространённых варианта отношения комментаторов к межконфессиональным бракам. Первый вариант, нашедший своё подтверждение в данных всероссийских и региональных социологических исследований, – отрицательное отношение, основанное либо на критике религиозных аспектов такого брака, в частности, на необходимости менять религию одному из супругов (чаще всего русской невесте), либо на общем, зачастую ничем не обоснованном, стереотипном убеждении, что эндогамные браки наиболее целесообразны. Второй вариант – нейтрально-положительное отношение, не рассматривающее религию как фактор дестабилизации таких семей, либо вовсе не берущее в расчёт религиозные, а иногда и этнические различия супругов – главное, чтобы «жили в любви и взаимопонимании». Анализ комментариев показывает, что нередко положительное отношение к смешанным бракам является наследием советского интернационализма.

Кроме того, исследование зафиксировало, что эндогамные браки по-прежнему остаются приоритетными для ряда регионов нашей страны, в первую очередь для Северного Кавказа, с его традиционной культурой и усилившимся за последние десятилетия влиянием религии. Исследование выявило также тенденцию к росту религиозных и антирелигиозных оценок межконфессиональных браков, что является следствием двух взаимосвязанных процессов:

религиозного ренессанса, с одной стороны, и появления антиклерикальных настроений, обеспокоенности увеличившимся влиянием религиозного фактора – с другой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Арутюнова Е.М., Дробизева Л.М., Евсеева М.А., Кузнецов И.М., Мукомель В.И., Рыжова С.В., Фадеева Е.Ю., Фадеев П.В. *Межнациональное согласие в региональном контексте*. М.: Институт социологии Российской академии наук, 2015 [Arutjunova E.M., Drobizheva L.M., Evseeva M.A., Kuznecov I.M., Mukomel' V.I., Ryzhova S.V., Fadeeva E.Ju., Fadeev P.V. *Inter-ethnic Consent in the Regional Context*. Moscow: The Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2015 (in Russian)].

Волков А.Г. *Избранные демографические труды*: сб. науч. ст. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014 [Volkov A.G. *Selected Demographic Works*: Collection of Scientific Articles. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House, 2014 (in Russian)].

Главные российские институты: общественная оценка. *ВЦИОМ*. 26.11.2020 [Major Russian Institutions: Public Assessment. *VCIOM*. 26.11.2020 (in Russian)] <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10647> (accessed: 28.03.2021).

Григорьева К.С., Хамидова И.А. Сельские жители Чеченской Республики о Москве и москвичах. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2018. № 3. С. 230–247 [Grigor'eva K.S., Hamidova I.A. Rural Residents of the Chechen Republic about Moscow and the Muscovites. Rural Residents of the Chechen Republic about Moscow and the Muscovites. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018. No. 3. Pp. 230–247 (in Russian)].

Гурко Т.А. Межэтнические и международные браки в контексте диалога культур. *Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем*. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2017. С. 216–218 [Gurko T.A. Interethnic and International Marriages in the Context of the Dialogue of Cultures. *Strength of the Weak: Gender Aspects of Mutual Aid and Leadership in the Past and Present*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maclay RAS, 2017. Pp. 216–218 (in Russian)].

Дробизева Л.М., Сусоколов А.А. Межэтнические отношения и этнокультурные процессы (по материалам этносоциологических исследований СССР). *Советская этнография*. М.: Наука, 1981. С. 11–23 [Drobizheva L.M., Susokolov A.A. Interethnic Relations and Ethnocultural Processes (Based on the Materials of Ethnological Studies of the USSR). *Soviet Ethnography*. Moscow: Nauka, 1981. Pp. 11–23 (in Russian)].

Жигунова М.А., Коптяева Е.А. Национально-смешанные браки как вариация этнокультурной идентичности. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2016. № 5 (43). С. 100–104 [Zhigunova M.A., Koptyaeva E.A. National Mixed Marriages as a Variation of Ethnocultural Identity. *Tomsk State University Journal of History*. 2016. No. 5 (43). Pp. 100–104 (in Russian)].

Загирова Э.М. Влияние типа религиозности на отношение к традиционной семье. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2017. № 20 (2). С. 82–103 [Zagirova E.M. Influence of the Type of Religiosity on the Attitude to the Traditional Family. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2017. No. 20 (2). Pp. 82–103 (in Russian)].

Зайончковская Ж.А., Полетаев Д.В., Флоринская Ю.Ф., Доронина К.А. Мигранты глазами москвичей. *Демоскоп Weekly*. 2014. № 605–606. С. 1–28 [Zajonchkovskaja Zh.A., Poletaev D.V., Florinskaja Ju.F., Doronina K.A. Migrants through the Eyes of the Muscovites. *Demoscope Weekly*. 2014. No. 605–606. Pp. 1–28 (in Russian)].

Как в Чечне относятся к детям от смешанных русско-чеченских браков? *Чеченский след*. 24.11.2020 [What is the Attitude towards Children from mixed Russian-Chechen Marriages in Chechnya? *Chechenskii sled* = *The Chechen Trace*. 24.11.2020 (in Russian)] <https://zen.yandex.ru/media/chechnya/kak-v-chechne-ot>

nosiatisia-k-detiam-ot-smeshannyh-russkochechenskih-brakov-5fbcc3eb4b9b1b331db43954 (accessed: 24.01.2021)].

Карцева Л.В. *Семья в условиях трансформации российского общества: Теоретическая модель и эмпирическая реальность*: дисс. д. соц. н. Казань, 2001 [Kartseva L.V. *Family in the Conditions of Transformation of Russian Society: Theoretical Model and Empirical Reality*. Dr. soc. sc. diss. Kazan, 2001 (in Russian)].

Касымова С.Р. *Расширяя границы: межэтнические и межконфессиональные браки в постсоветском Таджикистане (на примере браков таджикских женщин с иностранцами)*. *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2010. № 3. С. 126–149 [Kasymova S.R. *Expanding the Boundaries: Interethnic and Interfaith Marriages in Post-Soviet Tajikistan (on the Example of Marriages of Tajik Women with Foreigners)*. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2010. No. 3. Pp. 126–149 (in Russian)].

Клинцова М.Н. *Межэтнические и межконфессиональные браки в Республике Крым на современном этапе*. *Миссия конфессий*. 2016. № 13 (17). С. 25–31 [Klintsova M.N. *Interethnic and Interfaith Marriages in the Republic of Crimea at the Present Stage*. *Mission confessions*. 2016. No. 13 (17). Pp. 25–31 (in Russian)].

Коровкина Н.В., Садретдинова Э.В. *Религиозная идентичность и приобщение детей к религии в межнациональных семьях (на примере Республики Башкортостан)*. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2020. № 6 (47). С. 36–42 [Korovkina N.V., Sadretdinova E.V. *Religious Identity and Introduction of Children to Religion in Interethnic Families (on the Example of the Republic Of Bashkortostan)*. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2020. No. 6 (47). Pp. 36–42 (in Russian)].

Коростелёв А.Д. *Межэтнические и межконфессиональные браки в этнически смешанных селениях Урало-Поволжского региона. Роль конфессий в развитии межнациональных отношений: Россия – Балканы – Поволжье. Труды Международной научной конференции*. М.: Институт Российской истории РАН, 2008. С. 113–118 [Korostelev A.D. *Interethnic and interfaith marriages in ethnically mixed villages of the Ural-Volga region. The Role of Confessions in the Development of Interethnic Relations: Russia – Balkans – Volga Region. Proceedings of the International Scientific Conference*. Moscow: Institute of Russian History, RAS, 2008. Pp. 113–118 (in Russian)].

Ксенофобия и национализм. *Левада-центр*³. 23.09.2020 [Xenophobia and Nationalism. *Levada Center*. 23.09.2020 (in Russian)] <https://www.levada.ru/2020/09/23/ksenofobiya-i-natsionalizm-2/> (accessed: 28.03.2021).

Лурье С.В. *Межэтнические браки в современном российском национальном сценарии*. *Петербургская социология сегодня*. 2018. № 10. С. 122–148 [Lur'e S.V. *Interethnic Marriages in the Modern Russian National Scenario*. *St. Petersburg Sociology Today*. 2018. No. 10. Pp. 122–148 (in Russian)].

Ляпунова О.Е. *Отношение студентов Архангельска к представителям различных этнических групп*. *Интернет-журнал Науковедение*. 2014. № 5 (24). С. 51 [Ljapunova O.E. *Attitudes of Arkhangelsk students to different ethnic groups' representatives*. *Internet-zhurnal Naukovedenie. = Online Journal of Science Studies*. 2014. No. 5 (24). Pp. 51 (in Russian)] <http://naukovedenie.ru/index.php?p=issue-5-14> (accessed: 28.03.2021).

Может ли русский парень жениться на чеченской девушке? *Чеченский след*. 6.12.2020 [Can a Russian Guy Marry a Chechen Girl? *Chechenski sled = The Chechen Trace*. 6.12.2020 (in Russian)] <https://zen.yandex.ru/media/chechnya/mojet-li-russkii-paren-jenitsia-na-chechenskoi-devushke-5fccfa98f8c7853ed9e468a> (accessed: 24.01.2021).

Разрешено ли чеченцу жениться на русской девушке? *Чеченский след*. 28.11.2020 [Is it Allowed for a Chechen to Marry a Russian Girl? *Chechenski sled = The Chechen Trace*. 28.11.2020 (in Russian)] <https://zen.yandex.ru/media/chechnya/razresheno-li-chechencu-jenitsia-na-russkoi-devushke-5fc246684c127965dbc19f36> (accessed: 24.01.2021).

Романова А.П., Черничкин Д.А., Топчиев М.С., Рогов А.В. *Причины и механизмы религиозной трансгрессии в среде студенческой молодежи северного Прикаспия*. *Южно-российский журнал со-*

³ Организация, выполняющая функцию иностранного агента.

циальных наук. 2020. Т. 21. № 1. С. 104–120 [Romanova A.P., Chernichkin D.A., Topchiev M.S., Rogov A.V. Causes and Mechanisms of Religious Transgression among Students in the Northern Caspian Region. *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2020. Vol. 21. No. 1. Pp. 104–120 (in Russian)].

Россияне о межнациональных браках. ВЦИОМ. 27.08.2010 [Russians about Interethnic Marriages. *ВЦИОМ*. 27.08.2010 (in Russian)]. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyane-o-mezhnacziionalnykh-brakakh> (accessed: 28.03.2021).

Сизоненко З.Л. Межнациональная семья в крупном городе. *Социологические исследования*. 2007. № 2. С. 140–145 [Sizonenko Z.L. Interethnic Family in a Large City. *Sotsiologicheskie issledovaniya* (=Sociological Research). 2007. No. 2. Pp. 140–145 (in Russian)].

Сороко Е.Л. Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации. *Демографическое обозрение*. 2014. Т. 1. № 4. С. 96–123 [Soroko E.L. Ethnically Mixed Married Couples in the Russian Federation. *Demographic Review*. 2014. Vol. 1. No. 4. Pp. 96–123 (in Russian)].

Сусоколов А.А. Межнациональные браки в СССР. М.: Мысль, 1987 [Susokolov A.A. *Interethnic Marriages in the USSR*. Moscow: Mysl', 1987 (in Russian)].

Токарева Е.С. Межэтнический брак в системе ценностных ориентаций студенческой молодежи. *Гуманитарные научные исследования*. 2013. № 5 [Tokareva E.S. Interethnic Marriage in the System of Value Orientations Of Students. *Humanities scientific researches*. No. 5] <https://human.snauka.ru/2013/05/3173> (accessed: 28.03.2021).

Топилин А.В. Межнациональные семьи и миграция: вопросы взаимовлияния. *Социологические исследования*. 1995. № 7. С. 76–88 [Topilin A.V. Interethnic Families and Migration: Issues of Mutual Influence. *Sotsiologicheskie issledovaniya* (=Sociological Research). 1995. No. 7. Pp. 76–88 (in Russian)].

Узакова С.А., Ивченков С.Г., Симонович Н. Е. Модели и ценности современной семьи: анализ взглядов специалистов семейной сферы. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2017. Т. 17. № 4. С. 414–418 [Uzakova S.A., Ivchenkov S.G., Simonovich N. E. Models and Values of the Modern Family: Analysis of the Views of Specialists in the Family Sphere. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2017. Vol. 17. No. 4. Pp. 414–418 (in Russian)].

Шабалина Л.П. Современная семья народов Среднего Поволжья: традиции и новации, этнические взаимовлияния. Ульяновск: УлГТУ, 2002 [Shabalina L.P. *The Modern Family of the Peoples of the Middle Volga Region: Traditions and Innovations, Ethnic Mutual Influences*. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University, 2002 (in Russian)].

Шабыхов В.И. Межэтнические и межконфессиональные браки в восприятии современного горожанина в Республике Марий Эл. *Социодинамика*. 2018. № 2. С. 23–29 [Shabykov V.I. Interethnic and interfaith marriages in the perception of a modern city dweller in the Republic of Mari El. *Sociodynamics*. 2018. No. 2. Pp. 23–29 (in Russian)].

Щеголькова Е.Ю. Межэтнические отношения в оценках россиян: социологический анализ. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 4 (158). С. 499–520 [Shhegol'kova E.Ju. Interethnic Relations in the Assessments of Russians: a Sociological Analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. Pp. 499–520 (in Russian)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ИДИАТУЛЛОВ Азат Корбангалиевич – доктор исторических наук, профессор кафедры географии и экологии, Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, Ульяновск, Россия.

Azat K. IDIATULLOV, DSc (History), Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov, professor of the Department of Geography and Ecology, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russia.